

СОЦИАЛЬНАЯ ПРАКТИКА ВИРТУАЛЬНОГО МИРА: К ВОПРОСУ О СЕМИОТИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ СМЫСЛА

Астапова-Вязьмина Е. И. (Черкассы, Украина)

Сегодня культура дополнена специфическим феноменом, а именно – виртуальным миром. Виртуальность, виртуальная игра, виртуальный друг, виртуальное общение, виртуальный банк, виртуальные деньги и все варианты на эту тему абсолютно никого не удивляют. Однако эти привычные для нас понятия включены в совершенно новую знаковую систему, которая, будучи создана человеком, им самим еще до конца не познана и не осознана. Не претендуя на объемное исследование, попробуем выделить и проанализировать некоторые характерные черты этой знаковой системы.

1. Видимо, надо начать с того, что виртуальный мир меняет сознание человека и последний сталкивается с совершенно новым статусом своего Я. Информационное пространство, предоставляемое телевидением, радио, различными печатными изданиями функционально отличается от информационного пространства, предоставляемого Интернетом. Всемирная сеть предлагает, прежде всего, активное участие в мире информации. Да, действительно, читая традиционные газеты, журналы, книги (от развлекательных до научных) мы приближаемся или удаляемся от сообщаемого нам. Безусловно, можем переживать новостные события, смеяться или плакать над судьбой того или иного литературного героя, быть включенными в радиоспектакль или с карандашом в руке следить за размышлениями, изложенными в той или иной философской концепции. То же возможно и в Сети, но последняя дает возможность, во-первых, несравненно большего объема информации, и, во-вторых, скорость ее получения.

2. Интернет-сообщение позволяет включить в себя все существующие раздельно каналы и технологии трансляции воедино, речь идет о совмещении устной, разговорной речи, визуального языка, фотографического изображения, теле – и звукового вещания. Основной позицией в данном комплексе будет смысловой потенциал, позволяющий личности выразить себя. Иначе говоря, меняется семиотический контекст формирования смысла. Интернет-пространство позволяет наглядно увидеть режим производства знаков и символов, а также кодов, в которых они используются, несколько отойдя от темы классификации знаковых систем.

3. С позиции конструирования символов интересным аспектом идентификации личности в Интернете является ник или логин. Безусловно, человек может избрать любое из возможных имен, которые он будет использовать в качестве учетной записи или общения в системе. Возникает вопрос о смысловой и знаковой нагрузке такого вымышленного имени.

С одной стороны, конечно же, мы имеем кризис идентичности, а с другой, этот самый кризис, благодаря такому инструменту, как вымышленное имя, преодолевается. Конечно же, есть ситуации, когда

человек пользуется своим собственным именем, если, например, речь идет об общении с научным руководителем. Но, например, грамматическая конструкция английского языка, отвечающая за представление себя, «My name is...», в дословном переводе звучит как «Мое имя называется *так-то*», провоцируя, в определенном смысле, поиски своего собственного Я. В русском мы скажем «Меня зовут Маша» или «Я – Марья Ивановна». То есть меня так зовут, это мое имя.

4. Интернет предоставляет возможность социализации людей с дополнительными потребностями, например, людей с ДЦП или слепых. В реальной жизни такой человек, к сожалению, часто не находит поддержки со стороны своих же, так сказать, здоровых соотечественников. Да и последние, выбирающие вымышленные имена для общения в чатах, все-таки пытаются скрыть какие-то существующие, по их мнению, недостатки, к которым можно отнести физиологическое несовершенство или особенности возраста, пола, социального статуса и т.д. Информационное пространство Сети помогает с этим справиться. Это инструмент для построения другого, возможного мира. Но последний не является для нас новым, он привычен. Например, с ним мы сталкиваемся в сказках, мифах, научных трудах.

Сетью предлагается и графический вариант идентификации – аватар (картинка), целью которого является публичное графическое изображение пользователя. Аватар (даже при его периодической смене) передает стабильную виртуальную идентичность. Поскольку любое информационное пространство влечет за собой определенный уровень присутствия, который испытывает пользователь, постольку, по мнению пользователя, облегчается передача информации и воссоздается когда-то потерянная социальная установка.

5. С помощью Сети создается своя собственная культура. Конечно же, она может быть и негативная, т.к. сложно проследить, что читает человек, какую музыку слушает, какие выбирает фильмы. Но определенный положительный момент, безусловно, есть. Речь идет о своеобразной *корпоративно-виртуальной* культуре. Язык социальной группы или индивидуальный язык влекут избирательный взгляд на мир: поддержание собственных интересов и ограничение других, по справедливому замечанию Д. Чандлера [1].

6. Виртуальная реальность предлагает пространство свободы. Наполняя возможный мир личностным смыслом, Интернет предоставляет невероятные возможности для самореализации человека. Конечно же, мы имеем дело частью с образами, частью с симуляцией миропорядка. Виртуальность, понимаемая как возможность, может возникнуть только при определенных условиях. Юм в «Исследованиях о человеческом разумении» писал, что на первый взгляд ничто не кажется более свободным от ограничений, нежели человеческая мысль, которая не подчиняется власти и авторитету людей, однако не может быть удержана в пределах природы и действительности. Создавать чудовища и соединять самые несовместимые формы и образы воображению не труднее, чем представлять самые естественные и знакомые

объекты» [2, с. 20–21].

7. Конструкция собственного существования в виртуальном мире смещается в сторону частного представления о таком существовании. С логической точки зрения возможный мир предполагает истинность какого-либо высказывания в возможном мире и ложность его в реальном и наоборот. Но поскольку речь идет не просто о каком-то нейтральном высказывании, а о ситуативности его применения, то и выстраиваемые человеком логические конструкции поведения, оценки все равно должны учитывать правила реального мира.

8. При всех положительных оценках возможностей Интернета, он все же ограничивает высказывание. Схема письменного общения в Skype, социальной сети или даже в обычной переписке по электронной почте предлагает множество (на первый взгляд!) дополнительных сопутствующих изображений для артикуляции эмоционального состояния адресанта, использующихся в Интернете и других простых текстовых каналах связи. Стилизованное изображение человеческого лица обычно имеет подпись, всплывающую в иконках на мониторе. Мы можем подтвердить радость, злобу, гнев, растерянность, любовь и т.д. соответствующим элементом. Но ведь это не просто симуляция, образ, элементарное упрощение возможности выразить свое собственное состояние. Это готовая схема или форма высказывания, принимаемая бездоказательно. Не надо долго ничего описывать, достаточно вставить смайлик – и ваш адресат дальше сам будет додумывать то, что вы хотели сказать. Текстовая саморепрезентация превращается в примитивное наклеивание ярлыка, стандартизация эмоций человека лишает его речи, поскольку изображение подчеркивает эквивалентность слова и действия. Предлагаемый смайлик, открытка – только инструменты для той или иной цели, но их использование уже становится частью этой цели.

9. Е. Таратута совершенно справедливо отмечает, что с момента появления Интернета, виртуальная реальность фактически приравнивается к нему. Что «...общение, опосредованное компьютером и Интернетом, неизбежно воспринимается... как пространство, ...и, что в случае виртуального общения людей, находящихся за километры друг от друга, изменяемый магическим действием *виртуального* параметр – физическое пространство. При этом изменяются только отдельные характеристики параметра, а сам он, его позиция и значение остается неизменным и даже упрочивается» [3, с. 123].

Одной из ключевых позиций анализа производства и функционирования данной знаковой системы является *индекс понимания знака*. Это понятие может помочь описать и акцентировать внимание на возможных и существующих рисках глобальной информатизации. Воспринимаемый и создаваемый человеком текст, таким образом, приобретает форму не только сознательной цели, но и особенностей средств коммуникации, таких как язык, пишущие инструменты, включая социальные и психологические аспекты. Речь идет о последствиях, которые несут

различия в канале и технологии передачи информации, потенциальном ее смысле, поскольку социально-культурные сообщения используются и приобретают статус только в конкретных культурных контекстах.

Литература и источники

1. Chandler, D. The Act of Writing: A Media Theory Approach [Электронный ресурс]. – Режим доступа: // <http://visual-memory.co.uk/daniel/Documents/act/act.html>
2. Юм, Д. Исследования о человеческом разумении. – М., 1966.
3. Таратута, Е.Е. Философия виртуальной реальности. – СПб, 2007.

«ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ПРИГОРОДНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» И ЕЕ ПЕРСПЕКТИВЫ В РОССИИ И РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Бреславский А. С. (Владивосток, Россия)

Доклад посвящен вопросам пригородного развития, продолжающейся урбанизации и началу субурбанизации в постсоциалистических городах. Исследования пригородов, выполненные в странах бывшего социалистического лагеря, выявляют во многом сходные тенденции в городском развитии этих государств [3]. Так, как минимум с середины 1990-х гг. процессы субурбанизации стали определяющим фактором в развитии многих постсоциалистических городов Центральной и Восточной Европы. Недавние исследования выявили, что города Эстонии, Хорватии, Латвии, Словакии, Польши, Венгрии и Болгарии по темпам субурбанизации существенно превзошли города Западной Европы [3, с. 87], что позволило ученым назвать эти процессы «постсоциалистической пригородной революцией» [4, с. 6].

Эта революция в постсоциалистических странах была обусловлена в основном тремя обстоятельствами. Первое обстоятельство – уход государства из управления городами, децентрализация в области городского планирования, отказ от жестких форм контроля в распределении городских земель, что привело к высокой либерализации отношений в сфере застройки городских и пригородных территорий. Была отменена практика народнохозяйственного планирования, практически все полномочия по распоряжению городской землей были переданы городским муниципалитетам. Эти изменения были утверждены новыми законами о местном самоуправлении, которые были приняты практически во всех постсоциалистических странах СНГ, Восточной и Центральной Европы в середине 1990-х гг.

Децентрализация управления городами, ослабление государственного контроля и высокая либерализация отношений в управлении городами стали причиной массового самовольного строительства. Однако если большая часть восточноевропейских стран и страны Балтии достаточно быстро взяли под контроль эти процессы (в конце 1990-х – середине 2000-х гг.), то во многих постсоветских странах СНГ процессы городской и пригородной